является к русскому министру в Лондоне, где по желанию его в 1758 году был окрещен. В 1761 году приехал *в Петербург.*

именем Магомета *Эмина,* старался изведать все христианские религии. Найдя греко-российскую справедливее прочих, явился к российскому посланнику князю Голицыну, в домашней церкви которого при обращении в веру был переименован Федором. Восприемником был сам посланник. Наконец, из Лондона прибыл он *в Петербург.*

Обилие текстуальных и фактических совпадений исключает независимое происхождение вариантов. Начиная со слов «путешествуя по различным европейским и азиатским государствам», они практически идентичны друг другу и изобилуют текстуальными связями. Очевидно, что С. Л. Копнин воспользовался для составления биографии новиковским текстом, существенно видоизменив лишь его начало. Так и возникли два варианта происхождения Эмина, по одному из которых он родился в России или в Польше, а по другому — в венгерском городке Липше. Но, как уже было выяснено, Эмин довольно поздно отказался от турецкого происхождения. С 1769 г., когда появляются первые следы переделки биографии, до апреля 1770 г., когда он покончил счеты с жизнью, прошло чуть больше года. Крайне сомнительно, чтобы за столь короткий срок и без особых на то оснований Эмин сочинил две различные версии своего происхождения. К тому же он не мог не догадываться, какую бурю насмешек вызовет у его литературных врагов отказ от турецкого происхождения. Едва только Эмин объявил, что он не турок и, следовательно, все его рассказы, которыми он в течение 7 лет занимал читателей и петербургское общество, не что иное, как плод его фантазии, в литературе и в сатирических журналах появилось множество язвительных насмешек над незадачливым сыном алжирского бея. Теперь Эмину уже не верили ни его друзья, ни его многочисленные враги, начавшие гадать, каково же действительное происхождение бывшего «полковника кавалерии». Одна из этих версий, живо напоминающая новиковскую, принадлежит давнему недругу Эмина М. Д. Чулкову, который предположил, что Эмин «в неведомой стране в Хохландии родился».[49] Причем по контексту видно, что основанием для этого суждения Чулкова явилось не какое-то новое «сказание» Эмина, а лексика его сочинений. Турецкие «обыкновения» описаны в ранних романах Эмина таким русско-польским языком, что нетрудно было прийти к выводу о его польском и украинском происхождении. О концептуальном характере этой версии биографии Эмина говорит и тот факт, что сам он публично отказался в «Адской почте» от украинского происхождения.[50]

---

[49] Чулков М. Д. Плачевное падение российских стихотворцев. СПб., 1769.

[50] Адская почта. СПб., 1769, с. 234.